

Бетховен вполголоса

В Большом театре выступил предок фортепиано

Очередная программа «Камерных вечеров в Большом» подтвердила репутацию этого недавно созданного цикла как мероприятия не только качественного и элитарного, но и интеллектуально провокационного. Произведения венских классиков из золотого фонда детской музыкальной школы были сыграны не на привычном фортепиано, а на копии молоточкового клавира молоточкового времени — хаммерклавира. Концерт, ставший для московской публики настоящим испытанием на эстетическую лояльность, провел известный американский знаток и популяризатор старинных клавишных инструментов Малколм Билсон.

Известия, - 2002
Ольга ФИЛИППОВА
19.01.02, - с. 8

Испытание было выдержано честно: вежливое недоумение в начале концерта, вызванное непривычно тихой звучностью инструмента, полным отсутствием виртуозности в игре музыканта и нарочито филигранной отделкой хрестоматийно знакомой музыки, под конец сменилось бурным восторгом. Обаятельный, уютный и домашний Малколм Билсон, своим внешним видом больше напоминающий сотрудника какого-нибудь НИИ, а не концертующего артиста, — один из лидеров сегодняшнего исторического исполнительства. Его интерпретации Гайдна, Моцарта, Бетховена, а также ранних романтических признаны эталонными во

всем мире. Он сумел заново открыть звучание ранних клавиров и создал собственную исполнительскую школу, поколебав уверенность многих в том, что старинные фортепиано — лишь промежуточный этап на пути к созданию современного рояля.

Исторические клавишные инструменты (то, что звучал в Большом театре, был взят напрокат в Московской консерватории, у Алексея Любимова, и перед концертом самим же Билсоном отремонтирован) отличаются от современных легкостью и простотой конструкции, мягкостью звучания, контактностью и податливостью механики. Отсюда гораздо большая вероятность задеть неправильную ноту (обилие таких в музицировании Билсона, увы, удивило многих). Ясное на-

чало звука и быстрое его угасание заставляет исполнителя делать ставку не столько на красочность, сколько на графичность мелодического рисунка и выпуклость ритмики. И уж этим искусством музыкальной графики Билсон владеет в совершенстве.

Следить за его мотивной игрой, порой доходящей до парадоксальности, — фантастически увлекательно. Знакомая музыка под его грубоватыми на первый взгляд руками наполняется совершенно новым содержанием. Соль-мажорная соната Гайдна из трогательно простоватой превратилась в изысканную и чуть игрушечную. Семь багателей Бетховена ор. 33 филигранностью звукописи напомнили утонченные романтические миниатюры. А знаменитое Largo con gran espressione из Ми-бемоль-мажорной бетховенской сонаты, утратив привычную философскую многозначительность, стало тихой прочувствованной речью. Порядком нафальшивив в пассажах, Билсон покорила другим — с помощью неброской прелести хаммерклавира он заставил свою публику не только слушать музыку, но и вслушиваться в нее.